

Алия Абишева

РЕФЛЕКСИВНЫЙ ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО Я

Проблеме человеческого Я, его соотношения с личностью было посвящено немало работ, однако само понимание природы Я как целостности, характера его сознательной и бессознательной деятельности являет нам такое многообразие подходов и интерпретаций, что вызывает на первый взгляд, путаницу. Однако необходимо определить, что лежит в основании Я, благодаря чему оно возникает и сохраняет свою целостность, каково соотношение сознания и бессознательного внутри этой целостности. Как известно, еще Р. Декарт определял сознательную деятельность Я как рефлексию, и это положение сохранялось в философии и психологии до наших дней. В связи с чем возникает вопрос, каково место и роль бессознательного в Я, имеет ли бессознательное характер рефлексии. Ведь целостность психики индивида может сохранять себя как рефлексивная деятельность.

Деятельность Я как целостности в нашем понимании не сводится к урегулированию отношений между инстинктивными влечениями бессознательного Оно и моральной цензурой Сверх-Я, грозящих конфликтами, которое было описано З. Фрейдом [1]. По Фрейду, главное назначение Я – это соотношение внутриспсихических процессов с внешней реальностью, сохранение себя посредством единения различных инстанций души.

Для человека только органическое существование не может образовать смысла – в этом прав больше В. Франкл [2]. Основание человеческого Я может составлять определенная духовная ценность, смысловое содержание которой организует всю психическое пространство индивида, дает направленность интенциям, целям, мотивациям. Если привязанность к определенной ценности или иерархии ценностей и есть то основание, что организует все остальное как в душе, так и во внешних бытийных проявлениях, то они и составляют ядро, что мы называем человеческое “Я”.

Здесь возникает еще вопрос о соотношении “Я” и личности. Между ними нет существенного различия, они в значительной мере совпадают в содержании. Только “Я”, по-видимому, является тем глубинным содержанием, которое, реализуясь, приобретает в личности свои бытийные очертания. При этом вполне возможно, что между глубинной сутью и ее бытийными очертаниями может существовать существенное расхождение в результате глубинных противоречий в самом “Я”.

Определенный переход и преобразование ценностной установки в волю и образует, по-видимому, личность.

Однако так называемые цельные “Я”, формирующиеся на основе одной ценностной установки, – довольно редкие явления. Скорее всего, в душах большинства индивидуумов гнездятся различные, часто противоположенные друг

другу ценностные пристрастия, соединенные, так или иначе, в некую иерархию, а иногда кое-как объединенные в относительную целостность. Они могут быть параллельно существующими, попеременно выступая на первый осознаваемый план, а часто одна из целостностей может быть глубоко загоняема в неосознаваемую сферу, когда они по всем параметрам несовместимы. За исключением этих последних случаев, “Я” индивидуума, объединяя в различных вариациях различные ценностные устремления, охватывает их в себе, предупреждая распад души на несколько “Я”. Но и в этом случае мотивом не обязательно выступает просто самосохранение, а выступает стремление к целостности единой ценности как условие развития и совершенствования “Я”.

В основе “Я” может лежать только свобода, т.е. возможность выбора себя, выбора себя такого, который следует по пути определенной ценности, сделав ее глубинной установкой своей жизни. Свобода есть возможность саморефлексии, а если эта возможность реализуется, то она и есть сама рефлексия “Я”, в самое себя. Чтобы ощущать, чувствовать свое “Я”, чувствовать себя как “Я”, недостаточно обращенности существа к чему-то, что находится вне этого существа. В рамках такой обращенности во вне “Я” не образовывается. “Я” есть обращенность обращающегося к самому себе. Такое обращающееся у человека не есть его тело, а его душевно-духовное ядро, которое обращается к самому себе. Оно есть одновременно и обращающееся, и то, к чему оно обращается.

Такая саморефлексия “Я” у З. Фрейда не предполагается. Он не выходит за рамки простой обращенности психики к внешним объектам, если даже этим объектом является его собственная психика. Пренебрежение опытом философии Нового времени, в особенности классической немецкой, хотя он и был знаком с ней, сильно сказалось на уровне анализа “Я”. В результате представление о “Я” ограничилось указанием на инстанцию, стремящейся привести в единство все другие инстанции души.

Правда, Фрейд, характеризуя явления нарциссизма, говорит об идентификации. Можно было бы объяснить это явление по смыслу известного греческого мифа о красивом юноше по имени Нарцисс, влюбившемся в собственное отражение в воде, которое он, естественно, отождествил с самим собой и, не в силах оторваться от созерцания самого себя, умер. У Фрейда же многие больные невротом идентифицируют себя с определенным желанием, образом, отцом и т.д., но которые в дальнейшем в ходе толкования их обнаруживают другой, скрытый смысл, являющийся обычно сексуальным, какой-то разновидностью эдипова комплекса. Эти идентификации, как правило, являются внешней оболочкой, символической формой глубинного сексуального мотива. Даже при учете того, что сексуальное понималось Фрейдом очень широко, чуть ли не как удовлетворение желания любого органа, такое понимание сводит духовные мотивы человека как всего лишь прикрытие каких-то его органических нужд.

Следовательно, идентификация у Фрейда, даже в виде нарциссизма, не имеет рефлексивного характера. Идентификация себя с чем-то у него имеет

смысл сливания себя с чем-то внешним. Она предстает как направленность на нечто другое. В таком случае человеческое существо в своей психике видит, ощущает, чувствует только это внешнее, с которым оно сливается и не отличает себя от него, оно просто исчезает в этом внешнем. В этом отождествлении себя с чем-то: с определенной ролью, функцией, лицом и т.д. у него исчезает и свобода, ибо теряется возможность соотнесения себя с тем, с чем Я отождествляется, затухает ощущение границ.

Только в силу того, что глубинным основанием человеческого бытия является свобода и только тогда, когда бытие в свободе является первичной исходной ценностью и смыслом, человеческая психика, его душа становятся способными к саморефлексии, к самоизменению, к саморегулировке, к замене одних ценностей другими, к их выбору и т.д. Поэтому Я есть душевно-духовное образование, как функционирование самой свободы, возникающее до принятия индивидуумом каких-либо более конкретных ценностей и смыслов. Я есть первичная форма души человека именно как человека. До этого душа его не является еще в полной мере человеческой душой, ибо только Я, если оно сформировалось, придает каждой человеческой душе некую определенность, поскольку это Я есть живая жизнь той ценности, которая легла в ее основу и сквозит в ней как ее специфический смысл.

Такая идентификация Я с определенным ценностным смыслом на основе свободы выбора этого ценностного основания, однако, предполагает возможность изменения своего основания, смены одних ценностей другими, а иногда и выбор нескольких ценностей, которые могут оказаться противоположными, и даже несовместимыми по содержанию. В последнем случае возможен конфликт ценностных интенций в личности, и если этот конфликт становится неразрешимым, то, как это описано в широкой практике психоанализа, мы наблюдаем феномен раздвоения личности, расщепленности ее психики в ее крайних проявлениях – невротических расстройствах. Однако если противоречия находят определенный путь разрешения в той или иной степени, и в этом случае наблюдается, как показывает З. Фрейд, определенная расщепленность Я. Об этом свидетельствует наличие инстанций в Я и их специфическая взаимосвязь.

Заслуживает внимания анализ, произведенный самим Фрейдом и семинарской группой во главе с Ж. Лаканом, совершенно правильно зафиксированных ими понятий собственного Я, идеального Я и Я-идеала. Эти понятия были впервые выдвинуты З. Фрейдом в работе “Введение в нарциссизм”. Согласно Фрейду развитие Я происходит путем перемещения его от первичного нарциссизма, когда Я идентифицировался со своими инстинктивными позывами, на навязываемый извне идеал – Я, удовлетворение требований которого снова порождает интенсивное стремление вернуться к нему.

Жак Лакан, наиболее близко стоящий к ортодоксальному фрейдизму, но, тем не менее, отказавшийся от биологизаторских тенденций Фрейда, рассматривает так называемое собственное Я, т.е. сознательную часть души как не

подлинное Я. По его определению собственное Я – это то Я, о котором мы знаем, с которым себя отождествляем и которое осознаем. Это Я совпадает с тем, что мы называем сознанием. Именно это Я является источником сопротивления. “Бессознательное, – утверждает он, – полностью ускользает из круга достоверных вещей, в которых человек осознает себя в качестве собственного Я. Именно вне этого круга существует нечто, имеющее полное право называться Я и демонстрирующее это право уже тем фактом, что именно заявляя о себе в качестве Я оно появляется на свет. Это и есть то самое, чего область собственного Я, всегда готового выдать себя в анализе за Я в собственном смысле слова, не желало знать” [3]. Именно поэтому, как считает Ж. Лакан, и в обыденном сознании и в современной психологии возникает иллюзия, отождествляющая собственное Я с сознанием. Собственное Я, по Лакану, есть система восприятия образов, в которых индивидуум узнает себя, т.е. воспринимает себя как некоторую целостность образов.

Однако, согласно Лакану, эта система образов, с которой обыденное сознание отождествляет себя, на самом деле не является Я. То, что человек воспринимает ее как собственное Я, – чистая иллюзия. Она есть функция воображения, образы восприятия, которые складываются в процессе общения с другим. При этом образы других, из которых складывается свой собственный образ, воспринимаются как своего рода зеркальное отражение себя в другом, т.е. другой переживается как свой другой, alter ego. Я возникает только в общении с другим, с другими, в интерсубъективном поле. Субъект, который получает в этом Я определенное средство выражения, не совпадает с ним. Субъект этот находится в бессознательном, потому что все желания возникают оттуда и, так или иначе, находят себе выход. “Фрейд уверяет нас, что субъект – это не разум его, он лежит на другой оси, он разуму эксцентричен. Субъект как таковой, то есть функционирующий в качестве субъекта, представляет собой нечто иное, нежели адаптирующийся к внешней среде организм” [4].

Отсюда понятно, что субъект и собственное Я у Фрейда – это различные начала, они имеют совершенно различные источники происхождения. “...Мое Я – это вовсе не Я, не заблуждение в смысле частичной истины, как представляет ее классическая доктрина. Это нечто совсем другое – это особый объект, внутри опыта данного субъекта присутствующий”. “Да, подлинное Я не является, разумеется, моим Я” [5], – утверждает Лакан чуть ранее. Лакан таким образом отождествляет подлинное Я с субъектом. Но тогда подлинное или действительное Я, – что Лакан пишет с маленькой буквы, тогда как собственное Я с заглавной – скрывается в бессознательном, а собственное Я называет объектом, порождением воображаемого, которое возникает только вместе с появлением символического мира, где как на экране фиксируется некий образ собственного Я. Поскольку этот образ создается из множества восприятий, то он, имея наглядный характер, снова всплывает каждый раз, когда нечто возбуждает его появление. Теперь, образуя часть памяти субъекта, он (образ Я) выступает как галлюцинация.

Ж. Лакан считает, что рефлексия, которую в традиционной философии и психологии обычно связывают только с сознанием, а последнее отождествлялось с Я, с субъектом, может иметь, и имеет место в бессознательном. Субъект, т.е. подлинное Я, по Лакану действительно возможен только как учет себя, т.е. как рефлексия в себя. А учет себя в свою очередь возможен лишь с образованием символического мира человека, с его языком, речью, прежде всего, но и не только с ними, а со всем тем, что создается человеком, как противостоящий ему и как будто самостоятельный мир. Символический мир, по Лакану, собственно присущ только человеку и возникает вместе с появлением в самом человеке собственно человеческого. Он полагает, что все это Фрейдом достаточно не сформулировано, более того, приближаясь к такому пониманию, он часто отступал назад к биологическому редукционизму.

Ж. Лакан понимает символическую систему как своего рода зеркало, созданное самим человеком, в которую он всматривается как в свое отражение, отыскивает там смыслы, значения и т.д., которые он же в нее вкладывает или в каждой особой ситуации усматривает. Но всё же это происходит на бессознательном уровне.

В то же время Ж. Лакан по существу отрицает возможность свободы человека. Человек, как он представляет, находится внутри символического мира, сам он наполнен символическим смыслом и не имеет возможности выйти оттуда. Получается, что символический мир как бы дан ему изначально и чуть ли не первичен. Конечно, для каждого приходящего в мир человеческого ребенка так оно и есть: его с самого начала окружает мир символических смыслов. Но значения, смыслы, в конечном счете, создаются людьми, а не какою-либо другою силой. И они же могут менять их на другие, если первые обесценились в их глазах. Правда, материальный субстрат символа может при этом, и сохраниться, в котором человек может теперь усматривать уже другой смысл.

А так называемый Ж. Лаканом учет субъектом, подлинным Я самого себя может совершаться лишь в мире бессознательного, а не на уровне сознания, собственного Я, и такое понимание создает серьезные концептуальные трудности.

Наверное, можно согласиться с Лаканом в том, что саморефлексия возможна на бессознательном уровне вплоть до саморегулирования и самоизменения на основе накапливаемого жизненного опыта. Учет собственных импульсов и согласование их с жизненными обстоятельствами, влияние которых может достичь их через каналы восприятия, может происходить и без участия осознаваемых процессов. Но чтобы они могли так совершиться, мне думается, они должны иметь какие-то каналы выхода в осознаваемую сферу. Иначе субъект или действительное Я ничего не будет знать о себе. Пусть даже в искаженном виде оно должно получить какой-то выход во внешнем, каким, например, является сопротивление. Характер сопротивления должен косвенным образом указывать, каким может быть подлинное Я индивида. А, следовательно, это подлинное Я должно иметь в символическом какое-то выражение. В этом се-

крет того, что часто человек сам не очень догадывается, что толкнуло его на тот или иной поступок.

Ж. Лакан в данном отношении угадывает, возможно, действительную основу образования подлинного Я человека, той внутренней неосознаваемой в полной мере рефлексии в себя, когда он может отнести к чему-то внешнему – образу, символической форме, поступкам и действиям своим и чужим некое сложившееся в себе. Ценностное значение и смысл возвращается к себе, к своему глубинно душевному, только через это внешнее, через угадывание, освоение и усмотрение в этом внешнем то родственное самому себе, не зная, не подозревая, что он по существу как бы осваивает то, что он же отнес к этому внешнему. Это внешнее в таком случае есть его собственное внешнее, его бытие в ином. Такая рефлексия, смотря по обстоятельствам, может быть неосознаваемой, полусознаваемой и в некоторых случаях полностью осознаваемой. Когда, допустим, мы в произведении живописи или в музыке обнаруживаем нечто родственное для нашей души и переживаем его в себе, мы, скорее всего, совершаем вот такую рефлексия, о сущности которой сплошь и рядом не подозреваем, т.е. не сознаем. Это, конечно, рефлексия не логическая, она на чувственно-эмоциональном уровне, но суть дела от этого не меняется. И думается, что только на почве такой рефлексивности живет и действует самотождественность Я, которое уже на высокой философской рефлексии И.Г. Фихте получила формулу “Я есмь Я” [6]. И, разумеется, сердцевину такой саморефлексии составляют не либидинозные устремления и неустранимые инстинктивные влечения, хотя и они тоже имеют место, а ценностные.

Только на основе ценностных побуждений могут складываться собственно человеческие отношения, которые могут так или иначе сплачивать людей в человеческие сообщества, могут образовываться культура, цивилизация, государство и т.д. Для реализации либидинозных, да и каких угодно органических нужд организация людей в сообщества, общественные структуры, как известно, не нужны, не нужно для этого устанавливать права и обязанности и т.д. Только обернутость к себе вовне устремленной ценностной установки, реализации и утверждения ее и отождествление себя с этим рождает человеческие Я. Многообразие таких установок и своеобразие каждой из них предполагает несводимость каждого Я к другому Я даже при родственности их ценностной ориентации.

По-видимому, правильно, что рефлексия нельзя ограничивать только сферой сознания. Уже говорилось, что так называемая прозрачность Я самому себе, поскольку считалось, что оно может иметь место только в сознании, оказалось иллюзией. Это прозрачность – в лучшем случае прозрачность, самоочевидность перцептивных образов, относимых к собственному Я.

Смысл того, что некая среда, допустим, естественно-природный ландшафт или человеческие отношения, духовно-психологическая атмосфера, просто какой-то предмет, мысль и т.д. и т.д. нам нравится или не нравится во многом остается самому человеку неизвестным, т.е. этот смысл – глубинная ценност-

ная интенция – по нашему пониманию остается в таких случаях на уровне бессознательного. Нам известно, т.е. мы осознаем лишь его чувственно-эмоциональное проявление – положительное или отрицательное. В данном случае то, что мы называем сознанием, т.е. осознаваемой частью нашей души есть ее явное содержание.

Но как происходит осознание смысла, нагроможденного обычно многократными символическими наслоениями – образами, чувствами? Можно сделать предположение, что не движением от символов к смыслу, который не является просто логической конструкцией, абстрактной мыслью, а тоже конкретными образами, перцептивными образованиями, адекватными тому, к чему, в конечном счете, устремлен субъект. Именно нахождением своего истинного образа в его чувственно-эмоциональном содержании человеческое “Я” может стать так или иначе осознанным или сознательным. Человеческое “Я” и рефлексия охватывают все поле душевной жизни, включая в себя бессознательное, сознательное, Сверх-Я Фрейда, не говоря уже о других структурах. У Фрейда, как мы помним, сознание располагалось на поверхности психики, пытаясь согласовать требования бессознательного, Сверх - Я и реальности. Но впоследствии, в работах после 20-х годов “Я” у Фрейда оказалось в сфере бессознательного, а место сознания вообще – неопределенным.

Таким образом, самоопределение человеческого Я в своей духовной интенции происходит путем идентификации себя с определенной ценностью как единственно значимым для данного индивида смыслом, через который он только и может ощущать себя как человека согласно его представлению, видеть в нем смысл своей жизни, даже если этот смысл не значим для другого или других, даже если он вообще общественно не значим. Смысл этот становится ценностью, лишь укореняясь в человеческом Я независимо от степени его осознания самим индивидом.

Литература

1. *Фрейд З.* “Я” и “Оно”. Труды разных лет. Книга 1: Пер. с нем. – Тбилиси, 1991.
2. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: Пер. с англ. и нем.: Сборник. – М., 1990.
3. *Лакан Ж.* Семинары. Книга 2. “Я” в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). Пер. с фр. – М., 1999. – С. 14.
4. Там же. – С.15.
5. Там же. – С. 67.
6. “Приходится сталкиваться с вопросом, – писал Фихте, – что такое был я до того, как пришел к самосознанию? Естественный ответ на это таков: я был ничем, так как я не был Я. Я есть лишь постольку, поскольку оно сознает самого себя. – Возможность подобного вопроса зиждется на смешении Я как субъекта, с Я как объектом рефлексии абсолютного субъекта, и вопрос этот сам по себе совершенно недопустим. Я представляет самого себя... и только тогда становится нечто, объектом. Сознание получает в этой форме некоторый субстрат, который существует и в отсутствии действительного сознания и к тому же еще мыслится телесным. Представляя себе такое

положение вещей, затем спрашивают: что такое был я до тех пор, т.е. что такое субстрат сознания? Но и в таком случае незаметно для себя примысливают *абсолютный субъект* как субъект, созерцающий этот субстрат. ...Ничего нельзя помыслить без того, чтобы не примыслить своего Я, как сознающего самого себя; от своего самосознания никогда нельзя отвлечься” (Фихте И.Г. Избранные сочинения. Т. 1. – М., 1916. – С. 73-74).

Түйін

Әбишева Ә. К. Меннің рефлекстік сипаты

Меннің ішкі жан дүниесінің ұйытқысын оның қабылдаған құндылығы немесе құндылықтар жүйесі құрайды. Қандай нәрсенің барлығы немесе жоқтығы Меннің қалыптасуының не ыдырауының негізі болатынын анықтау да, дәлелдеу де қажет. Бұл тұста Мен мен тұлғаның ара қатынасы туралы да мәселе бар. Мен жанның түпкі мазмұны, ал тұлға оның болмыстық деңгейге жеткен түрі деуге болады. Меннің ішкі қайшылықтары көбіне осы екі жоқты ажыратып, қарамақарсы ететіні де болады. Меннің негізін тек еркіндік құрайды, тек сонда ғана ол өзін оді анықтай алады.

Summary

Abisheva A.K. Reflective Character of Human Ego

Affection to the certain value or hierarchy of values is the foundation that organizes individual soul and combines a core, which is called a human “Ego”. The substantiation for that, with acquisition or loss of what exactly may lead to the formation or disintegration of “Ego”, is necessary. Consequently, the issue about correlation of “Ego” and personality appears. “Ego” is an internal content that receives its existent features by realization. Hence, it is possible that internal deviation between them may appear as a result of internal contradiction within original “Ego”. The basis of “Ego” may be a freedom, i.e. a possibility to make a choice of oneself, choice of the certain value as an internal intention of the individual life. Freedom is the possibility of self-reflection, “Ego”, as a reflection, comprehends the entire sphere of mental life, including conscious and subconscious aspects.

